

Вы решили ознакомить мир со своей жизнью на родине в течение тех памятных лет, которые начались публикацией «Одного дня Ивана Денисовича» — событием поворотным не только для Вас, но и для многочисленных читателей, Ваших соотечественников. С этого момента жизнь Ваша стала общественным фактом.

«Я верю, что Вы выдержите испытания славой» — приводите Вы в книге слова Александра Трифоновича ТВАРДОВСКОГО, человека, который открыл — сначала себе, а потом читателям — Вас вместе с Вашим героем, Вашим писательским миром, вобравшим в себя целый пласт человеческой жизни нашего века. Открыл и принял, как то, без чего уж и его собственное существование и существование других людей представлялось ему уже неполным. <...>

Что было потом — достаточно известно с фактической стороны и вместе с тем нуждается в серьезном исследовании и оценке. Как историк я отдаю себе отчет, насколько такая задача трудна, вне зависимости от посторонних делу соображений и препятствий. У меня и в мыслях нет предпринимать такую попытку своими силами и тем более походя. Но и не откликнуться на Вашу книгу для меня невозможно. Слишком большое место отвели Вы в ней моему отцу. «Портрет» ТВАРДОВСКОГО составляет самое ядро Вашей версии развития советской литературы и истории за тот большой отрезок времени. <...> **Над всей вереницей людей, прошедших по страницам Ваших воспоминаний, возвышаетесь Вы — единственный, кто знал и знает, что делать, куда идти. «Я вижу лучше, я вижу дальше, я решил» — в этих словах из Вашей книги — для меня весь Вы, Александр Исаевич** — каким Вы были, и в еще большей степени, каким хотите выглядеть сейчас, «выпрямляя» собственную жизнь в соответствии с заданной целью. *(Здесь и далее выделено редакцией.)* И ТВАРДОВСКИЙ для Вас — прежде всего — **отражение Вашей жизни, только с отрицательным знаком, так сказать, анти-СОЛЖЕНИЦЫН.** Не сразу заметишь ту нить, на которую Вы тщательно нанизываете все факты, но, заметив, уже не можешь за ней не следовать. Нить эта, пронизывающая книгу, — несовместимость двух начал. Одно воплощается в Вас — Александре Исаевиче СОЛЖЕНИЦЫНЕ — цельном, лишенном сомнений и колебаний, всегда и везде идущем «напролом», последовательном в своем отрицании всего в нашей жизни, что имеет первоисточником революцию, идет от нее и уже потому обречено стать злом непоправимым, пока Россия не вернется к своим исконным устоям патриархальным, но подновленным под руководством свободной от идеологии технократической верхушки. Не только социализм, но и демократия в этом случае, конечно же, ни к чему. <...>

Двойственность ТВАРДОВСКОГО — одна из краеугольных Ваших идей. Она видится Вам в том, что ТВАРДОВСКИЙ не отряхнул с себя того, что Вы считаете «историческим прахом», не отряхнул, хотя и мучился теми страшными событиями и судьбами, которые неотделимы от определенной эпохи в истории нашей страны и только равнодушно-циничному или мертвенно-доктринерскому взгляду могут представляться частностями, просто «зигзагами». Но ведь и Вы, Александр Исаевич, не очень далеки от этого доктринерства, только вывернутого наизнанку. Вы тоже жаждете простых решений, однозначных формул.

Читая Вашу книгу, я снова и снова думала о том, что между Вами и А. Т. различия не просто во взглядах — они в самих основаниях личности. Вы человек раз навсегда решенных для себя вопросов. <...> Но есть простота, что хуже воровства, говорит русская пословица. Она обкрадывает души и мозг, лишая действительной исторической перспективы, без которой призыв к мужеству и правде, как бы красноречив он ни был, остается пустым звуком.

Для ТВАРДОВСКОГО же не было готовых ответов. Он был открыт вопросам, касалось ли это сокровенных проблем творчества или сложнейших проблем общественной жизни. И самым открытым для него до последних дней жизни был вопрос об исторической, объективной, бескомпромиссной оценке поколения, к которому принадлежал он сам, поколения, в сознании, делах, судьбах которого столь противоречиво соединились победы и поражения, ясность и слепота, мужество и бессилие. <...> И потому более всего волновало его, как помочь новым поколениям выработать самостоятельность мышления, критическое сознание, верность себе.

Нет, не к забвению призывал он, повторявший: «Память, как ты ни горька, будь зарубкой на века». Забвение было для него физически невозможно, самоубийственно. Но и память для него не была просто призывом к возмездию и покаянию. «На одной злобе, на одном отрицании ничего не построишь» — вот о чем говорил он, касаясь расхождений с Вами. <...>

«Жизнь научила меня плохому, и плохому я верю сильнее», пишете Вы — и это не случайное для Вас признание. Вчитываясь в Вашу книгу, понимаешь, что в Вашей душе действительно живет вера в плохое, разрешающая Вам искать в любом человеке, с которым сталкивает Вас жизнь, прежде всего дурное, некую ущербность, слабость, неполноценность — все, что принижает человека. <...>

Но обращает на себя внимание и другое — то, что она, эта Ваша вера в плохое — не стихия, не бессознательное порождение темного чувства, с которым Вам трудно справиться, а скорее контролируемое Вами мироощущение. Ведь и люди, которые населяют Вашу книгу — я имею в виду не только тех, кого Вы заведомо считаете своими врагами, — все изображены так, что своими изъянами и слабостями, вымышленными или действительными, призваны служить контрастным фоном для Вас, своеобразным пьедесталом, на котором возвышаетесь Вы — Единственный. Результат, мне кажется, получился прямо противоположный. <...>

Трудно представить себе что-либо более поучительное в этом смысле, чем рисуемая Вами картина Ваших взаимоотношений с журналом, на страницах которого Вы начали свой писательский путь. С особой выпуклостью выявились здесь Ваши «волевые начала», авторитарность, нетерпимость. Именно эта нетерпимость к разномыслию с Вами — в основе вашей концепции несостоятельности ТВАРДОВСКОГО как поэта и редактора. Признавая убежденность ТВАРДОВСКОГО, Вы, в конечном счете, всегда разногласия с ним трактуете как

результат его непоследовательности, заискивания перед властью, даже просто беспринципностью и трусостью. В основе освещения всех фактов — заведомая истинность Ваших мнений, столь же заведомая наперед данная неправота ТВАРДОВСКОГО, так и не сумевшего подняться до СОЛЖЕНИЦЫНА. Послушай ТВАРДОВСКИЙ Вас, и все было бы иначе.

Что именно иначе? Ваша программа, в сущности, не очень велика. Главное, если не единственное в ней — публикация без всякого промедления всех до единого Ваших произведений. Невыполнение ее Вы прежде всего ставите в вину А. Т. Сегодня ТВАРДОВСКОГО нет, а история «Нового мира» еще не написана, и похоже, что это обстоятельство облегчает Вашу задачу. Но откуда у Вас эта уверенность, что ТВАРДОВСКИЙ, у которого была, по Вашему же выражению, своя «орбита», должен был тем не менее подчиниться Вашему влиянию, следовать за Вами. А если он не делал этого, если, высоко ценя Ваше сотрудничество, не мог и не хотел бы ни при каких обстоятельствах принести в жертву ему всю новомирскую прозу (представленную и теми именами, которые Вы сами относите к активу отечественной литературы, и другими), то, конечно же, потому, что сам вельможа, скованный своей номенклатурностью, он крепко держался за подлокотники редакторского кресла...

Известный девиз — «Кто не с нами, тот против нас» Вы, фактически, переделали на свой лад — **«Кто не с СОЛЖЕНИЦЫНЫМ, тот против совести и правды»**. И с этой точки зрения для Вас нет фактически разницы между «Новым миром» и другими журналами, в том числе и относившимися к нему с явной враждебностью. <...> Как ни парадоксально, но при многочисленных страницах, посвященных Вами «Новому миру», этот журнал фактически отсутствует в Ваших «Очерках литературной жизни». В них есть лишь слабый, неспособный редактор и несколько карикатурно изображенных его сотрудников — подхалимов и трусов. Но журнал — это не только плохой или хороший редактор, не только редколлегия и небольшой редакционный коллектив в целом. Это — куда более обширный круг авторского актива, разнообразных представителей литературного мира, ученых и публицистов, тяготеющих к данному журналу, и не менее широкий круг авторов рецензий, статей; и, наконец, читательский актив, адресующий журналу свои отклики, замечания, пожелания и оценки изо всех краев, и больших и малых городов, и поселков страны. <...>

Ничего этого в Вашей книге нет и не могло быть — здесь Вы просто некомпетентны, не в курсе дел, за которыми не следили, но которым теперь беретесь выносить свой приговор. <...>

Иллюстрируя свою концепцию несостоятельности ТВАРДОВСКОГО, его неспособности удержать в своих руках журнал, Вы рисуете его «заблудившимся, бессильным» человеком, опустившимся пленником собственного недуга, скованным по рукам и ногам своей «номенклатурностью», официальным положением «первого поэта России», окружившего себя беспринципными приспособленцами и в результате выронившего из своих «слабых рук» «Новый мир». Без такого ТВАРДОВСКОГО сооружаемый Вами для себя пьедестал был бы, видно, не так прочен и высок, как Вам бы хотелось, и Ваша миссия и исключительность, и единственность Ваших суждений о будущем могли бы показаться не столь убедительными, какими они кажутся Вам самому.

Но существуют элементарные нравственные правила, принятые всеми людьми, независимо от их убеждений и степени их развитости. Вы и здесь исклю-

чение? Утверждающий примат нравственности над политикой, Вы во имя своих личных политических замыслов считаете возможным преступить всякие пределы дозволенного. Вы позволяете себе бесцеремонно использовать подслушанное и подсмотренное в замочную скважину, приводите сплетни, взятые не из первых рук, не останавливаетесь даже перед тем, чтобы «цитировать» ночной бред А. Т., записанный, по Вашему уверению, дословно. Призывающий людей «жить не по лжи», Вы с предельным цинизмом, хотя иной раз и не без кокетства, рассказываете, как сделали обман правилом в общении не только с теми, кого считали врагами, но с теми, кто протягивал Вам руку помощи, поддерживая в трудное для Вас время, доверяя Вам. Неужели Вы, называющий себя верующим христианином, пишущий слово Бог с большой буквы, не понимаете кощунственности всего этого.

И сейчас, выворачивая наизнанку чужую жизнь, произвольно распоряжаясь сведениями о ней, случайно попавшими в Ваши руки, к себе Вы относитесь с предельной «личной бережностью», Вы откровенный ровно настолько, чтобы завоевать доверие читателя, а также оправдать в его глазах право на свое вторжение в самые запретные области чужой жизни. Но Вы отнюдь не склонны раскрыться с той полнотой, которая рекламируется в Вашей книге. Так, по-своему перетолковывая борьбу А. Т. за присуждение Ленинской премии повести «Один день Ивана Денисовича» (хотел-де орден получить за обложку своего журнала), Вы ведь ничего не говорите о своей готовности тогдашней обеими руками принять эту премию. И кто знает, какой могла бы оказаться судьба СОЛЖЕНИЦЫНА-лауреата?

А как Вы рассказываете о себе в сценах ухода ТВАРДОВСКОГО из «Нового мира»? «Не уходите, Александр Трифонович», — уговаривали Вы его, думая про себя: давно ему следовало это сделать. Страшновато представить Вас в роли руководителя журнала или хотя бы единственного советника редактора. Генеральство и двоедушье отравили бы этому журналу жизнь и без всяких внешних стеснений. <...>

Оспаривать нарисованный Вами портрет ТВАРДОВСКОГО, входя в детали жизни отца, доказывая противоположное по принципу: «не так», «не совсем так», «совсем не так», — занятие, с моей точки зрения, постыдное и бессмысленное. Ведь Вы-то знали, что делали, у Вас-то была определенная задача, и то, какими средствами Вы ее решили, пожалуй, более всего обнаруживает ее идейную и нравственную суть. Этой задаче и подчинялась Ваша память, ставшая своеобразно избирательной. Все, что способно нарушить нужную Вам картину, забывается, отбрасывается, замалчивается, отрицается. Местами было трудно-сознательное искажение истины или полное непонимание водит Вашим пером — но впечатление неправды не оставляло меня даже в тех местах, где Вы вроде бы дословно приводите слова А. Т. Вам помнится, например, что в разговоре с Вами ТВАРДОВСКИЙ не смог привести никаких доводов в пользу Революции, кроме одного: «Что бы со мной было, кем бы я был, если бы не революция!» То, что А. Т. назвал это в качестве единственного обоснования целесообразности революции — пусть, как и многое другое, останется на Вашей совести. Но характерно, как Вы поняли или, вернее, как не поняли эту фразу. Для Вас она — доказательство чуть ли не своекорыстной заинтересованности человека, которому социальная ломка позволила взобраться «наверх».

Для ТВАРДОВСКОГО же его собственная судьба просто была частицей судьбы народа. Нужно совершенно не знать, не понимать этого человека, чтобы предположить, что в основу отношения к действительности он мог положить личные

обстоятельства. И Вы обнаруживаете на каждом шагу такое незнание, непонимание. Не я буду свидетельствовать читателям Вашу неправду. Против Вас — все, что осталось от ТВАРДОВСКОГО, его собственные произведения, книжки журнала, редактировавшегося им шестнадцать лет, огромная переписка с писателями и читателями, его живой образ в памяти всех, знавших его. Все это — не ночной бред, не домыслы и измышления, не сплетни, которые нельзя проверить. Это — реальность, в которой самой силы опровержения Ваших воспоминаний и которая со временем будет действовать против Вас только сильнее.

Впервые опубликовано в итальянской газете

«Унита» 24 июня 1975 г. В «Сибири» публикуется в сокращении.